

Х. С. ГАФАРОВ, Ю. Ю. ГАФАРОВА

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ КУЛЬТУР В ИЗУЧЕНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Создание глобального коммуникативного пространства требует нового понимания отношений между глобальным и локальным. Локальные культуры гибридизируются, границы между ними размываются, что ведет к их интеграции в новые комбинации – региональные (супранациональные) и субнациональные культуры. Региональные культуры оказываются операциональной единицей в исследовании кросс-культурных коммуникаций, поскольку именно этот уровень анализа позволяет наиболее четко выявлять специфику коммуникативных моделей различных культур.

Проблема кросс-культурных коммуникаций актуализируется в ситуации конца XX – начала XXI в., когда модернизационные и глобализационные процессы приводят к формированию глобального коммуникативного пространства с едиными правилами, нормами и стереотипами.

Трансформация современной мировой системы позволяет говорить о вступлении мировых культур в качественно новую фазу. Феномен глобализации, выйдя за политико-экономические и социальные рамки, охватывает предусловия существования человечества – картину мира, этос, знаково-символические комплексы, институты социализации и инкультурации.

Расширение и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей государств, выражающееся в процессах формирования мирового рынка труда, товаров и капитала, создание единого информационного пространства, «уплотняющего» мир и превращающего его в «глобальную деревню» (*global village*), изменение социальной стратификации, в которой наряду с экономической элитой и «элитой власти» формируется «элита знания», происходят на фоне глобализации образа жизни, сознания и поведения людей.

Развитие единого информационного пространства порождает новые формы культурной коммуникации. Коммуникация, распространяющаяся через диверсифицированную всеобъемлющую систему «новых» средств

информации, способствует тому, что культурные коды отделяются от локальных культур, эмансипируются от исторических и географических факторов. Их задают, скорее, сети электронных коммуникаций, взаимодействующие с аудиторией и, в конечном счете, формирующие оцифрованный, аудиовизуальный гипертекст.

Все это обуславливает процесс выхода национальных культур на единые ценности, нормы, идеалы, оценки, культурные институции. Возникает новая артикуляция отношений глобального и локального. Процесс глобализации, одновременно разрушающий национальные границы и интегрирующий сообщества в новые этнические комбинации, приводит к созданию новых локальностей – региональных (супранациональных) культур. Регион в этом смысле рассматривается как транснациональный ареал, репрезентирующий общую для группы народов и государств историю и систему культурных измерений.

В этом процессе трансформируются сами национальные культуры с присущими им специфическими свойствами, существующие на соответствующих территориях и в определенный момент времени обладавшие уникальными социокультурными характеристиками. Они приобретают гибридный, комплексный, синкретический характер, их границы размываются, а различия между ними трансформируются. Идентичность на уровне сообщества больше не покрывается понятием национальной принадлежности.

Становление глобального информационного пространства не только обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах, но и меняет формы взаимозависимости между ними. С повышением скорости движения информации происходит изменение в социальных группировках и образование новых сообществ – многочисленных автономных групп, идущих на смену централизованному комплексу, сложившемуся по образцу европейской нации-государства (*nation-state*). Частичный отказ от нормативных образцов и эссенциалистских дефиниций нации радикально меняет положение маргинальных групп. Этнические и религиозные маргиналы не ограничены в своем позиционировании и репрезентации. Они вовлечены в общий информационный поток, что способствует формированию субнаций и субнациональных культур.

В этих условиях возникает проблема выбора единицы культурного анализа. Безусловно, этой единицей является культура. Однако, какое содержание вкладывается в это понятие?

В современном культурологическом дискурсе культура давно уже не рассматривается как место элитарных художественных практик. Клиффорд Гирц, американский антрополог, оказавший определяющее влияние на развитие культурной антропологии и культурологии во второй половине XX в., определял культуру как исторически передаваемую систему унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди транслируют, сохраняют и развивают свое знание о жизни и отношении к ней [2].

Это, пожалуй, самое популярное и используемое в современной культурологической мысли определение культуры основано на представлениях о том, что культуры групп людей не являются данностями, но формируются и меняются в течение времени через обычаи; определяются через символы – знаки или действия особого рода, используемые для передачи значения от субъекта к субъекту на основании общих для них норм или конвенций; не выступают целостностями с четко обозначенными границами, но являются смысловыми сетями, переопределяемыми через представления своих носителей [1, с. XXXI–LII].

Рассматривая культуру как символически-образную систему надления смыслом и оценивания, имеющую институциональные референции, мы сталкиваемся со структурным парадоксом определения ее границ, который был наиболее последовательно описан известным семиологом и культурологом Юрием Лотманом [4; 5].

Культура как таковая – это уникальная структура, часть в которой воспроизводит целое, а целое функционирует как часть. При этом, извне любая культура непрерывно вступает в контакты с равными себе формообразованиями, создавая целое более высокого уровня и превращаясь в часть этого целого.

Со структурным парадоксом исследования культуры связаны проблемы типологизации культур в изучении кросс-культурных коммуникаций. В строгом смысле слова все обозначенные выше уровни культурного деления: становящаяся глобальная культура, супранациональная культура региона, национальная и субнациональная культуры, – имеют идентичную структуру. Культура обладает тенденцией усложнять все свои элементы, превращая их в самостоятельные символически-образные целостности. Теоретически в качестве единицы исследования кросс-культурных коммуникаций могут рассматриваться и культуры региональные (супранациональные), и национальные, и субнациональные. Проблема заключается в выборе «масштаба» выделения ареала, репрезентирующего систему культурных измерений.

В исследованиях кросс-культурной коммуникации все чаще в качестве единицы исследования используется регион, что связано с необходимостью для исследователя выявлять специфику коммуникативной модели – культурных установок и поведенческих реакций, которые демонстрирует носитель культуры в процессе коммуникации.

Разработка параметров выделения модели и единиц моделирования находится в стадии становления. В настоящее время наиболее используемыми схемами являются «измерения Хофстеде» и «измерения Тромпенаарса». Голландский исследователь Гирт Хофстеде в работе «Последствия культуры» (1980) выделил пять параметров для различения коммуникативных моделей национальных культур («удаленность власти», избегание неуверенности, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность, долговременность ориентаций) [7]. В полемике с ним голландский экономист Фонс Тромпенаарс и британский философ Чарльз Хампден-Тернер предложили более детализированную схему моделирования (универсализм/партикуляризм, индивидуализм/коммунитаризм, специфициро-

ванность/диффузность, аффективность/нейтральность, достижительность/аскриптивность, последовательность/синхроничность, направленность вовнутрь/направленность вовне) [10]. Масштабные количественные исследования, проводимые с применением как одной, так и другой схем, показали, что описывать коммуникативные модели на базе единичной национальной культуры, как планировалось вначале, непродуктивно. Так, региональную арабскую модель практически нельзя было специфицировать, минимальные вариации продемонстрировали инвариантные модели Западной и Северной Европы и т.п.

Конечно, деление современного мира на регионы – результат процедуры конструирования и идеальной типологизации, однако данное «масштабирование» в современных условиях представляется максимально отвечающим культурной реальности. Подобно тому, как в конце XVIII в. гердеровское описание культуры как замкнутой в себе целостности было одновременно фактором и индикатором, то есть соответствовало тенденциям формирования национальных культур и выступало своего рода утопией, которой придавалась определенная нормативность, характеристика культуры как широкой сети с размытыми *границами* может стать фактором и индикатором в современных условиях.

Одна из возможных схем картографирования современной культурной реальности может выглядеть следующим образом: (1) регионы Западной, Северной, Центральной и Восточной Европы, (2) регионы Северной и Латинской Америки, (3) исламский мир, (4) синический культурный круг (зона китайской культуры и складывавшихся под ее влиянием культур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – корейской, японской, вьетнамской), (5) Индия и индуизированные государства (Таиланд, Филиппины, Лаос, Мьянма и Камбоджа), (6) Тропическая Африка, (7) Австралия и Океания.

Так, по мнению виднейшего исследователя европейской истории и культуры Эрика Хобсбаума, Западная Европа в культурном смысле может рассматриваться как единый регион. В третьей четверти XX ст. она пережила свой «золотой век». С тех пор стали различимы черты общей западноевропейской культуры, так что Другие воспринимают европейцев скорее в этом общем качестве, нежели как немцев или французов [6].

Жак Деррида и Юрген Хабермас в статье «Наше обновление после войны: второе рождение Европы» предпринимают попытку ответить на вопрос, в чем специфика западноевропейской культуры [3]. По их мнению, западному, коренящемуся в иудеохристианской традиции типу, присущи характерные черты – индивидуализм, рационализм и активизм, но и их европейские нации разделяют с нациями США, Канады и Австралии. Историческое христианство и капитализм, естественные науки и правовая система, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека распространились на другие регионы, не образуя больше европейских особенностей. Специфическими же для западноевропейцев являются такие культурные характеристики, как секулярность, вера в организационные и управленческие способности государства всеобщего благосостояния, скептическое отношение к эффективности рыночной экономики, пре-

обладание солидаристского этоса над индивидуалистическим, низкий порог терпимости в отношении насилия, применяемого против личности, оптимистические ожидания в отношении технического прогресса, стремление к многостороннему и юридически регулируемому международному порядку.

Для Северной Европы актуальным является развитие скандинавской идентичности (Nordic/Northern identity) [см., например, 8; 9]. Политическим и культурным центром региона являются Дания, Норвегия и Швеция, которые развивают идеологию скандинавизма, апеллируя к общей истории, культуре, социальным характеристикам и реалиям международной политики. В настоящее время скандинавская идентичность описывается как основанная на общности политических установок, культурной гомогенности, единстве социального устройства и этических норм. Региональное самосознание формируется на четко поляризированной схеме противопоставления себя «большой» (старой) Европе, на подчеркивании социополитических и культурных различий Скандинавии и Европы. Европа описывается по схеме «четырех С»: Conservatism (консерватизм), Capitalism (капитализм), Cartel (монополизм), Catholicism (католицизм). Консерватизм Европы воспринимается как проявление «имперского наследия» и «имперского сознания», европоцентризма, вылившегося в колониализм. В противовес этому скандинавская идентичность опознается как изначально множественная («одна нога у нас в одной культуре, другая – в другой»), перспективная для инкорпорирования скандинавских стран в единое мультикультурное пространство. Развитию эксплуатации, рабочей дисциплины, контролю за телесностью, монополизации экономики противопоставляется «северный» путь модернизации, основанный на достоинствах коммерциализации, но учитывающей социал-демократическую идею всеобщего благосостояния, равенства и сотрудничества. Католической атомизации, рационализации и формализации противопоставляются лютеранская солидарность, вера в человека и идея труда как призвания на пути служения Богу.

Таким образом, ситуация формирования глобального коммуникативного пространства задает новую артикуляцию отношений глобального и локального. Национальные культуры гибридизируются, границы между ними размываются, что приводит к интеграции сообществ в новые комбинации – региональные (супранациональные) и субнациональные культуры. Региональные культуры оказываются операциональной единицей в исследовании кросс-культурных коммуникаций, поскольку именно этот уровень анализа позволяет наиболее четко выявлять специфику коммуникативных моделей различных культур.

1. Бенхабиб, С. Притязания культуры : равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

2. Гириц, К. Этос, картина мира и анализ священных символов / К. Гириц // Интерпретация культуры / К. Гириц. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 149–168.

3. Деррида, Ж. Наше обновление после войны : второе рождение Европы / Ж. Деррида, Ю. Хабермас [Электронный ресурс] // Отечественные записки. –

2003. – № 6 (14). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy2>. – Дата доступа: 10.12.2012.

4. Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб. : Академ. проект, 2002. – С. 192–211.

5. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 12–31.

6. Hobsbaum, E. Interesting Times. A Twentieth-Century Life / E. Hobsbaum. – Little : Brown Book Group, 2003. – 447 p.

7. Hofstede, G. Culture's Consequences : International Differences in Work-related / G. Hofstede. – Beverly Hills : Sage Publications, 1980. – 328 p.

8. Kirk, N. Northern identities : historical interpretations of «the north» and «northernness» / N. Kirk. – Aldershot : Ashgate Publishing Ltd, 2000. – 227 p.

9. Østergård, U. Nordic Identity between «Norden» and Europe / Uffe Østergård // European Peripheries in Interaction. The Nordic Countries and the Iberian Peninsula. – Madrid : Universidad de Alcalá, 2002. – P. 151–202.

10. Trompenaars, F. Riding the Waves of Culture : Understanding Cultural Diversity in Business (Second Edition) / F. Trompenaars, C. Hampden-Turner. – London : Nicholas Brearley, 1997. – 265 p.

H. GAFAROV, U. GAFAROVA

PROBLEM OF TYPOLOGIZING OF CULTURES IN THE STUDY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS

The creation of the global communicative space requires new understanding of the relationships between the global and the local. Local cultures become hybridized, the borders between them dissolve. It leads to their integration into new combinations – regional and sub-national cultures. Regional cultures become an operational unit for researching cross-cultural communications because such level of analysis allows to discover the specific character of communicative models in different cultures.